

ФЕНОМЕН АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ОПЫТ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье анализируется влияние моральной философии на теоретические построения современной экономической теории. Привлекая философские идеи Джона Ролза, авторы раскрывают этический фундамент экономической деятельности. Особое внимание уделяется анализу идеальной модели «честный индивид» как одного из вариантов теоретического конструкта «homo economicus».

Ключевые слова: идеальная модель, теоретический конструкт, экономическое поведение.

В методологической литературе последних десятилетий актуализировалось обсуждение антропологических и гносеологических предпосылок социально-гуманитарного и экономического знания. Эта проблематика получила содержательное осмысление в монографических трудах В.С. Автономова [1], К. Лавалья [2], А.Н. Сорочайкина [3], цикле статей В.П. Филатова [4; 5] и большом количестве других, в том числе диссертационных, исследований [6; 7]. Активно эта проблематика обсуждается и на страницах научной периодики, в частности, в журнале «Вестник Самарского государственного университета» [8–11]. Признавая эвристическую плодотворность лишь анонсированных выше теоретических разработок, отметим, что в них все же не получил должной оценки вклад моральной философии в осмысление существа и функционального предназначения антропологических и гносеологических предпосылок экономических теорий.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Особое место в идейном наследии современной моральной философии занимают теоретические построения Джона Ролза, в частности, его инспирирующая книга «Теория справедливости» [12]. Сделав предмет пристального рассмотрения социальную справедливость, автор обращает особое внимание на соотношение *экономических* и *внеэкономических* факторов — конституирующих элементов социальной архитектоники. В основание справедливого общества современный мыслитель кладет два базовых принципа, в которых уравниваются права индивидов. Это, во-первых, принцип равной свободы, обеспечивающий «преимущества для всех». В соответствии с этим принципом ситуации, в которых возможно говорить о полноценной свободе, философ определяет, вводя три основных критерия: (1) наличие свободных субъектов действия; (2) присутствие неких ограничений, в контексте которых данные субъекты квалифицируют-

* © Моргунова А.Г., Шестаков А.А., 2012

Моргунова Алла Геннадьевна (MorgunovaAG@gmail.com), кафедра философии и истории Самарского государственного архитектурно-строительного университета, 443001, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194.

Шестаков Александр Алексеевич (ShestakovAlex@yandex.ru), кафедра истории и философии науки Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

ся в качестве свободных от них; (3) сами действия, которые могут совершать или не совершать индивиды. Исследователь специально подчеркивает, что условием полной и адекватной реализации принципа равной свободы может быть экономическая среда, организованная как система свободного рынка, хотя частная форма собственности на средства производства при этом не является обязательной.

Еще одним основанием справедливого распределения благ является принцип равной доступности. Согласно этому принципу все, что может представлять собой благо для человека, должно быть равно открыто для любого члена общества. Речь здесь идет как о равной доступности материальных благ, так и об открытом для всех доступе к любым должностям и иным социальным позициям в обществе. В справедливом обществе при наличии денежных средств человеку должны быть доступны любые товары и услуги, а при наличии у него соответствующих способностей, знаний, трудолюбия, настойчивости для него должна существовать возможность достичь в обществе того положения, к которому он стремится.

Эти два принципа, как доказывает Ролз, в сжатом виде представляют собой тот этический фундамент, на котором должна базироваться любая совместная экономическая деятельность, если она претендует на честность и справедливость. Для нашего анализа особого внимания заслуживает вводимый американским философом принцип различия или неравенства индивидов, согласно которому идеи свободы и справедливости, сформулированные в соответствии с реалиями современного общества, отнюдь не предполагают одинакового процветания для всех и каждого. Прежде всего индивид теперь сам решает, что именно является для него благом, соразмеряя с собственными способностями его достичь. В этом смысле социально-имущественное неравенство проистекает из имманентной природы человека: от природы люди неравны по своим способностям, талантам, склонностям и задаткам. Стало быть, сам факт неравенства далеко не всегда противоречит справедливости: возможны и существуют *справедливые* формы неравенства.

Однако все изложенное выше отнюдь не исключает для Ролза того факта, что общество должно и может быть построено на справедливых и моральных основаниях. Возникает закономерный вопрос: как в таком случае современный исследователь истолковывает такие понятия, как честность и справедливость? В своих рассуждениях автор исходит из предпосылки, что чувство справедливости составляет неотъемлемое свойство абсолютного большинства людей. Другой вопрос, что у различных индивидов оно может быть развито в неодинаковой степени. Субъектом справедливого общества при этом признается моральный индивид, который квалифицируется как «субъект притязаний», а сама способность быть моральной личностью признается философом достаточным условием для осуществления идеала равной справедливости в обществе. Подчеркнем, что основные права и свободы признаются Ролзом сущностно независимыми от различия способностей индивидов. Итак, рассматриваемая концепция справедливости как честности утверждает, что если наличествуют минимальные требования к условию быть моральной личностью, то такой человек в полной мере наделяется максимально возможными гарантиями справедливости.

Это относится и к различиям внутри самой способности так или иначе понимать справедливость: чья-либо меньшая способность вовсе не является аргументом в пользу ограничения притязаний такого человека на справедливость. Соответственно, большая способность к чувству справедливости (другими словами, развитые навыки в применении принципов справедливости) считается в рамках данной теории всего лишь одним из прочих природных дарований. Очевидные привилегии, которые дают такие способности, подпадают под действие описанно-

го выше принципа различия, но ни в чем не колеблют применение более фундаментального принципа – равной свободы. Для пояснения приведенного выше тезиса мыслитель приводит весьма показательный пример некой окружности, заполненной разноудаленными от центра точками. Находясь на разном расстоянии от центра, все имеющиеся точки тем не менее в равной мере обладают свойством принадлежности к этой окружности. То же самое можно сказать и о справедливости как честности: последняя гарантирует обществу, что любые характеристики в пределах более общего свойства моральности следует квалифицировать, как и любые иные природные (и в этом смысле – случайные) дарования.

Руководствуясь чувством честности, члены общества должны осознавать, что не все индивиды собственными усилиями могут обеспечить себе более или менее достойное существование. Речь в данном случае идет об инвалидах, нетрудоспособных, хронически больных и иных категориях людей, которые без общественной поддержки неизбежно будут влачить жалкое существование. Поэтому будет честным, если социальные трансферты будут направлены именно этим категориям граждан. Ученый доказывает, что социальное неравенство оправдано и справедливо только тогда, когда оно приносит выгоду наименее благополучным членам общества. В соответствии с изложенным выше проблема неравенства в обществе получает у Ролза следующее уточнение: «...неравенство должно быть связано с должностями и позициями, доступными всем в равной степени» [12, с. 103]. Следует, правда, отметить, что при характеристике справедливых форм неравенства американский теоретик специально подчеркивает, что степень благосостояния того или иного члена общества должна быть обратно пропорциональной объему распространяющихся на него социальных гарантий и государственной поддержки. Это означает, что перераспределение благ должно быть, в первую очередь, ориентировано на наименее обеспеченные слои населения.

Вместе с тем анализируемый теоретический конструкт («честный индивид») в интерпретации автора является не только моральным, но и рациональным. Если в соответствии со своей первой характеристикой индивид должен стремиться к максимально эффективной помощи бедным, то вторая характеристика, соответственно, конкретизирует область применения первой. Понятно, что рационально организованная экономическая деятельность должна принимать во внимание сам факт ограниченности социальных ресурсов: неограниченная помощь может просто подорвать сам механизм производства благ. Все это означает, что наиболее способные, предприимчивые (а потому и наиболее обеспеченные) индивиды в конечном счете способствуют повышению уровня благосостояния всего общества в целом (относя сюда и его наименее обеспеченных граждан). На основании изложенного выше можно заключить, что масштабы социального перераспределения не должны превышать той меры, которая понижала бы общее благосостояние общества, разрушая саму систему, отвечающую за этот процесс.

Как следствие, теория справедливого распределения благ должна быть дополнена еще одним принципом – рациональной эффективности. Сам философ формулирует его следующим образом: «Принцип утверждает, что конфигурация эффективна, когда невозможно изменить ее так, чтобы сделать лучше одним людям (по крайней мере, одному человеку) без того, чтобы в то же время не сделать хуже другим людям (по крайней мере, одному человеку)» [12, с. 71]. Это можно проинтерпретировать следующим образом: схема производства продукции может считаться эффективной только в том случае, если для нее нельзя указать альтернативу, при которой увеличение производства одного из товаров не сопровождалось бы уменьшением производства другого товара. То же самое и со способом распределения товаров:

последний признается эффективным при условии отсутствия иного способа перераспределения, который был бы способен улучшить условия по крайней мере, одного из индивидов без ухудшения условий другого. «Если бы мы сумели произвести большее количество одного товара без одновременного уменьшения другого, — пишет Ролз, — большее количество товара могло бы быть использовано для улучшения условий одних людей без ухудшения условий других. <...> Распределение товаров или схема производства продукции неэффективны, когда есть способы улучшить ситуацию одним индивидам, не делая хуже при этом другим» [12, с. 71].

Нетрудно заметить, что отнюдь не всякое эффективное экономическое поведение само по себе обязательно справедливо. И примеров здесь много. Институт крепостного права, в частности, весьма эффективен для одного конкретного слоя общества (помещики), однако именно по этой причине он кардинальным образом несправедлив. В этом пункте рассуждений Ролза нельзя не видеть, как два предыдущих принципа, выражающих требования социальной справедливости, надстраиваются над принципом рациональной эффективности, конкретизируя и, соответственно, сужая его применение. Сам философ по этому поводу отмечает, что «проблема заключается в <...> нахождении концепции справедливости, которая выделила бы из всех этих эффективных распределений такое, которое является еще и справедливым» [12, с. 71]. Как видим, рационально организованное экономическое поведение индивида, в свою очередь, тоже оказывается ограничено двумя другими условиями теории. Предложенная модель рациональности вполне может сосуществовать с фактом неравенства, но она плохо согласуется с ограничивающими ее принципами справедливости. За всем этим просматривается проблема честного и одновременно эффективного распределения, которую и пытается теоретически разрешить ученый, на определенных условиях примирив два базовых принципа экономической жизни и общественного устройства. Как может показаться, это становится возможным за счет требования «формального равенства возможностей» (то есть правовых гарантий равенства), которое накладывается на принцип эффективности. Такое равенство возможностей американский исследователь формулирует как «одни и те же законные права доступа ко всем выгодным социальным положениям» [12, с. 75].

Можно обратить внимание, что приведенное выше теоретическое требование относится к так называемой концепции естественной свободы, но и оно оказывается недостаточным для установления справедливости распределения. Названная концепция должна быть расширена за счет либеральной концепции справедливости («требование открытости карьер талантам» в терминологии Ролза), которая не ограничивается лишь сугубо юридическими гарантиями равной доступности, но требует, чтобы все в равной степени имели реальный доступ к стартовым экономическим возможностям и социальным шансам. Согласно этой концепции, люди, располагающие одним и тем же ресурсом способностей при одинаковом желании его реализовать, должны иметь одинаковые перспективы успеха независимо от своего исходного положения в социальной системе. Возможности изменения социально-экономического положения таких людей и, соответственно, их социальные ожидания не должны зависеть от принадлежности к какому-либо определенному классу.

Либеральная система, как видим, призвана в данном случае минимизировать влияние на итоговое распределение таких случайных факторов, как везение и, главное, неодинаковые стартовые позиции в социальной иерархии. Конечно, ни одна общественная система не может быть схемой сотрудничества, в которую люди входят добровольно в буквальном смысле; каждый человек при рождении обнаруживает себя в конкретном положении в некотором обществе, и природа этого

положения определяющем образом воздействует на его жизненные перспективы. Однако, подчеркивает Ролз, «общество, удовлетворяющее принципам справедливости как честности, приближается к идеалу общества, основанного на добровольной схеме настолько, насколько это вообще возможно, потому что оно основано на принципах, которые свободные и равные личности должны принять при справедливых обстоятельствах. В этом смысле его члены автономны, и осознаваемые ими обязательства налагаются добровольно» [12, с. 27]. В целом же принцип эффективности можно квалифицировать в качестве одного из важнейших атрибутов современного экономического человека («*homo economicus*»), выражающего саму сущность этой модели рациональности.

Обобщая дистрибутивную теорию Ролза, можно выделить пять базовых принципов справедливого распределения социально-имущественных благ в обществе. Первые два относятся к общепризнанным требованиям рыночной экономики: (1) принцип равной свободы и (2) принцип равной доступности. Помимо них философ вводит еще три принципа: (3) различия (неравенства) индивидов; (4) «честности» (как ограничение принципа различия) и (5) рациональной эффективности (как основание экономической справедливости). Идеальный тип экономического поведения, соответствующий названным выше требованиям, исследователь приписывает «честному индивиду». Именно эта антропологическая модель является тем вариантом «*homo economicus*», который предлагает рассматриваемая здесь концепция. Неотъемлемыми атрибутами названного теоретического конструкта признаются *моральность* и *рациональность* (трактуемая как основание эффективности).

Последовательно интерпретируя распределительную теорию, можно выстроить своеобразную пирамиду из основных ее принципов, где каждый последующий сужает и конкретизирует применение предыдущего. Некоторые действия, теоретически возможные, к примеру, в рамках только первого принципа, оказываются недопустимыми при учете следующего. В основание этой пирамиды следует поместить принцип различия как определяющее условие социальной и экономической справедливости. Далее следует сужающий сферу его применения принцип честности как гарант социальной справедливости. И, наконец, принцип рациональной эффективности, находясь на вершине пирамиды, накладывается на предыдущий и элиминирует из того ряда противоречащих ему действий. Вообще же здесь можно говорить о диалектической зависимости взаимообуславливания и взаимоограничения принципов данной теории – как это происходит с уже рассмотренным выше отношением эффективной рациональности, с одной стороны, и требованиями равной доступности и свободы – с другой.

Подчеркнем, что анализируемый в данной статье автор не является экономистом. В его работе нет каких-либо моделей или расчетов, показывающих, как конкретно можно реализовать дистрибуцию благ в свете предложенного понимания справедливости. Ролз лишь очерчивает общие рамки решения проблемы совмещения неравенства, честности и справедливости в современном плюралистическом и рыночном обществе. Именно поэтому рассмотренный выше подход не чисто экономический подход: автор явно тяготеет к исследованию в духе философии экономики.

Чтобы максимально полно представить, как индивиды могли бы посмотреть на предлагаемое справедливое общество без неизбежных aberrаций, обусловленных их существенно различающимися социальными позициями, рассматриваемый автор предлагает мысленный эксперимент, получивший название «занавес неведения». В рамках этого эксперимента все вторичные и привходящие причины социального неравенства «закрываются в скобки», оставляя человека в ситуации чистого выбора и договора о принципах справедливости. Эту исходную ситуацию справедливости как честности

исследователь уподобляет естественному состоянию человека в классической теории общественно-договора с той лишь разницей, что современный ученый не локализует данную ситуацию исторически, трактуя ее лишь как теоретическую гипотезу. В итоге идеализированный индивид в рамках описанной выше теоретической операции оказывается предельно моральным и рациональным одновременно, без каких-либо оснований для возможного противопоставления вышеназванных характеристик. Отношения между индивидами в данном случае рационально прозрачны и просты.

Представляется очевидным, что в любом *реальном* обществе существует большее или меньшее количество привилегированных субъектов, которых вполне устраивает их положение и доходы. Поэтому совсем не факт, что они согласятся изменить существующие социальные институты и ввести принципы справедливости как честности. Однако можно предположить, что люди, составляющие и подписывающие первоначальный социальный контракт, определяющий будущую социальную архитектуру, не в состоянии знать, каким будет их статус в этом обществе, займут ли они в нем положение в верхних слоях или же окажутся в нижних. Вот эту гипотетическую ситуацию неопределенности ученый и называет «занавесом неведения». В такой ситуации, констатирует он, люди, поразмыслив, должны принять общество, построенное на принципах справедливости как честности, и заключить соответствующий общественный договор.

В некотором смысле «занавес неведения» не так уж далек от современного социального порядка. Этот теоретический конструкт можно проинтерпретировать не в терминах мыслительного эксперимента, а в виде своеобразной гиперболы, в гипертрофированном виде представляющей современные тенденции. Все дело в том, что при современном уровне социальной мобильности, обеспечивающем непредсказуемость позиций и статусов индивида, последний несколько раз в жизни буквально обречен оказаться перед своеобразным «занавесом неведения». Именно в этом смысле его будущее не гарантировано, а социальный статус далеко не так стабилен, как это было, к примеру, в традиционном обществе с его жесткими социальными границами.

Библиографический список

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экон. шк., 1998. 230 с.
2. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неоллиберализма. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 432 с.
3. Сорочайкин А.Н. Homo economicus: антропологические предпосылки и эпистемологические допущения экономических теорий. Самара: Офорт, 2009. 352 с.
4. Филатов В.П. Антропологические предпосылки экономической теории и проблема рациональности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2003. № 4. С. 85–92.
5. Филатов В.П. Модели человека в социальных науках // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 125–140.
6. Кизилова Н.М. Философия экономики: методологическое обоснование экономической рациональности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2007. 40 с.
7. Минненгалиев И.М. Экономическая культура в системе общественного воспроизводства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2012. 21 с.
8. Шестаков А.А. Экономический принцип как исследовательская программа: взаимодействие предметного и рефлексивного уровней // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2011. № 10 (91). С. 22–27.

9. Стоцкая Т.Г., Шестаков А.А. Экономическая рациональность как теоретическая модель: сущность, составные элементы, эвристический потенциал // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2012. № 1 (92). С. 206–211.

10. Шестаков А.А. Теоретические конструкты в экономической теории: сущность и способы формирования // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2012. № 1(92). С. 212–217.

11. Миннегалиев И.М. Антропологические предпосылки экономической теории // Вестник Самарского университета. Сер.: Экономика и управление. 2011. № 9 (90). С. 20-26.

12. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. 535 с.

*A.G. Morgunova, A.A. Shestakov**

PHENOMENON OF ANTHROPOLOGICAL MODELS IN ECONOMIC THEORY AND EXPERIENCE OF MORAL PHILOSOPHY

The paper analyses the influence of moral philosophy on theoretical constructions of modern economic theory. Attracting philosophical ideas of John Rawls, the authors reveal the ethical basis of economic activity. Special attention is paid to the analysis of ideal model «honest individual» as one of the variants of theoretical concept of «homo economicus».

Key words: ideal model, theoretical construct, economic behavior.

* *Morgunova Alla Gennadievna* (MorgunovaAG@gmail.com), the Dept. of Philosophy and History, Samara State University of Architecture and Civil Engineering, Samara, 443001, Russian Federation.

Shestakov Alexander Alexeevich (ShestakovAlex@yandex.ru), the Dept. of History and Philosophy of Science, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.